

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ВОЛЕВОЙ ПОРОГ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на переплете *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Волевой порог / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-194642-5

Советской контрразведке становится известно, что после отступления частей вермахта в кавказском регионе осталась немецкая агентура, и она готовит серьезную провокацию. Планируется взрыв в горах, в результате которого один из местных горно-обогатительных комбинатов окажется похороненным под мощным селевым потоком. Группе Максима Шелестова поручено предотвратить диверсию. Оперативникам удается выявить и уничтожить основную часть боевиков. Но на свободе остается их главарь. Чтобы заманить его в ловушку, Шелестов поручает своему помощнику Михаилу Сосновскому сыграть одну необычную «роль»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194642-5

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Михаил закрывал глаза, погружаясь в полусон, и сразу же мысленно переносился в предгорья Эльбруса: на перевалы и в горные долины Кабардино-Балкарии. Сейчас, спустя два года, лежа в госпитале Пятигорска, он, засыпая, снова мысленно оказывался в том горячем и в то же время холодном времени, когда фашисты рвались через Кавказ к Каспию, к бакинской нефти, к богатым месторождениям.

Тогда группа Шелестова была направлена в Баксанскую долину. Разведка получила сведения, что гитлеровцы намерены помешать взрыву Тырнаузского обогатительного вольфрамомолибденового комбината в поселке Нижний Баксан. Залежи вольфрама и молибдена были обнаружены в этих горах незадолго до войны. Началась разработка высокогорного подземного рудника «Молибден», был построен комбинат, который имел стратегическое значение.

Сплавы использовались и в военной промышленности, и в металлообработке. Это прочные и долговечные резцы, это тугоплавкие соединения для электротехники. Оставляя действующий комбинат врагу было нельзя, потому что его мощности тут же будут использованы и направлены против Советского Союза.

Оперативники группы Шелестова, прибыв на место, быстро поняли, какое это было сложное решение для местного руководства, для всей республики. Надо было понять этих людей, не грести всех «под одну гребенку». Нельзя всех, кто был против взрыва комбината, относить к лагерю врага.

В предвоенные годы было открыто множество месторождений по всей стране, в том числе на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, на Кавказе. Одно из них было в Кабардино-Балкарии в долине реки Баксан. В 1934 году геологи обнаружили молибденсодержащие породы, а в 1936 году там же в горах на высоте более трех тысяч метров обнаружена вольфрамовая руда. Быстрыми темпами, учитывая сложное международное положение, в 1937 году возле этих новых месторождений в Кабардино-Балкарии началось строительство комбината по добыче и переработке вольфрамо-молибденовых руд, который был запущен 1 сентября 1940

года. На этом месте возник рабочий поселок, получивший название Нижний Баксан. Численность населения быстро росла.

Но грянула война, второй тяжелейший год страна билась с врагом, фашисты рвались к Сталинграду и на Кавказ. И уже 15 августа 1942 года подразделения фашистов из дивизии «Эдельвейс» вышли на перевалы Чипер-Азау, Хотю-Тау. Наступление врага было настолько стремительным, что советские войска не успели занять эти перевалы. А ведь отсюда фашистам был открыт путь в Баксанскую долину и на Эльбрус. 17 августа горно-стрелковые части гитлеровцев захватили высокогорные обустроенные альпинистские базы на Эльбрусе: «Новый кругозор», «Старый кругозор» и «Приют Одиннадцати». Возникла реальная угроза выхода в тыл нашим войскам через Баксанскую долину.

Нужно было спешить, срочно готовить взрыв комбината. Оставлять действующее предприятие врагу нельзя. Ведь уже 18 августа группа егерей спустилась в ущелье и атаковала Терскол. Противостояли врагу курсанты из Бакинского пехотного училища, успешно отбившие атаку. Понесся значительные потери, егеря откатились на склоны Эльбруса. К тому времени советское командование ушло особенности войны в горах,

и в Терскол был направлен специальный отряд под руководством опытного альпиниста Леонида Кельса.

Тактика действий отряда сразу принесла результат. Правда, для экипировки отряда альпинистским снаряжением его пришлось собирать со всего Приэльбрусья. Выйдя на Главный Кавказский хребет от перевала Донгуз-Орун, группа Кельса оказалась выше егерей и внезапной атакой выбила их с перевала Басса. Кельс повел бойцов прямо от селения Терскол на гребень, который господствует над «Новым кругозором». Альпинисты поднялись не замеченными противником на гребень. Утром снизу один из эскадронов 214-го кавалерийского полка имитировал атаку на «Новый кругозор». Воспользовавшись этим, отряд Кельса напал на позиции егерей сверху и уничтожил фашистов.

Какое-то время командованию удавалось наращивать группировку советских войск в Приэльбрусье и даже провести несколько удачных операций против горных егерей, с использованием минометов и легкой артиллерии, которые поднимали в горы на ишаках. Уничтожались позиции гитлеровцев на базе «Старый кругозор» на высоте 3200 метров. Благодаря хорошей альпинистской подготовке бойцов группы Кельса им удалось пробраться по морене лед-

ника Терскол в скалы над «Ледовой базой», отрезая егерям путь наверх к «Приюту Одиннадцати». В первые минуты удалось уничтожить немецких пулеметчиков, и, заняв немецкие позиции, группа открыла огонь с тыла. Но увы, задача выбить немцев с «Приюта Одиннадцати» решена не была. Ухудшилась погода, и группа, отправленная во фланг, попала в буран, наткнулась на трещину и вынуждена была вернуться назад.

Было выиграно время, но позиционно ситуация в Приэльбрусье оставалась угрожающей. К концу сентября фашисты вышли к Баксанской долине со стороны Эльбруса. Перевалы Чипер, Чипер-Азау, Хотю-Тау и «Приют Одиннадцати» так и остались занятыми егерями. Сосновский хорошо помнил эти месяцы. Хотя комбинат и был благополучно взорван, группа Шелестова осталась блокированной в долине вместе с частями Красной Армии и местными жителями. Тем более что 392-я стрелковая дивизия Красной Армии с боями отступала вверх по Баксанской долине. Было принято решение оставить Баксан.

Ноябрь в горах — это уже зима. Лютая, ветреная! Группа Шелестова включилась в работу, помогая организовать отправку через перевал Донгуз-Орун восемнадцати тонн молибдена

с Тырнаузского комбината. Такие запасы никак нельзя было оставлять врагу. И каждому солдату, уходившему через перевал, выдавали по несколько килограммов руды. Приняли такой же груз на свои плечи и оперативники, уходившие из Баксана с частями Красной Армии. Иного пути в то время просто не было.

Так получилось, что Сосновский в то время оказался в районе перевала Бечо на высоте 3375 метров. Через этот перевал уходило местное население, перегоняли скот. Это был более сложный перевал, чем Донгуз-Орун, но это был и самый короткий путь до жилья. Нужно было просто перевалить на другую сторону хребта. И Сосновский вместе с альпинистами заранее готовил маршрут: они рубили во льду ступени, навешивали веревочные перила. Десять суток Сосновский шел с людьми через перевал Бечо. Он поддерживал стариков, помогал женщинам, брал на руки детей. Вместе с красноармейцами они поднимали упавших, согревали их как могли и снова вели дальше. Провести через перевал удалось более полутора тысяч местных жителей, среди которых было много женщин, стариков и детей. И перегнать около 28 тысяч голов рогатого скота.

Михаил, закутав лицо шерстяным башлыком, который ему дал один из стариков, нагнул-

ся над упавшей молодой женщиной. Ветер гнал поземку, ледяные скалы нависали вокруг, а он смотрел в эти глаза, в которых было отчаяние и мольба. И бесконечная усталость.

— Надо идти, надо идти, — поднимая женщину на ноги, хрипло кричал Сосновский, пытаясь перекричать ветер.

— Не могу больше, — шептала женщина и снова падала на снег.

Михаил взял ее на руки. Увидев, что в расщелине скал, там, где не было ветра, кто-то развел большой огонь, он сам, едва не падая от усталости, понес женщину к огню. Когда женщина спустила с головы платок, Сосновский увидел, что это действительно молодая красивая женщина. Он растер ей щеки снегом, отогрел дыханием руки и заставил подсесть ближе к огню. Он отдал ей все свои остатки НЗ — несколько сухарей и шоколадку. Местные с улыбкой смотрели, как он ухаживает за женщиной, как уговаривает ее поесть. Она согласилась лишь при условии, что Михаил тоже съест половину.

— Как тебя зовут? — спросил он, когда они согрелись и губы стали наконец шевелиться.

— Аминат, — ответила женщина. — Вы забыли меня. Я медсестра с комбината. А вас зовут Михаил?

Еще несколько дней он помогал Аминат, часто вытаскивал ее на себе. А потом ему пришлось оставить беженцев и перебраться в расположение группы.

Медицинская сестра вошла с тазиком ровно в семь часов утра. Обычная процедура умывания в постели неходячего больного. Сосновский посмотрел на непроницаемо-серьезное лицо Ирины Половцевой и вздохнул.

— Ириночка, сегодня такое замечательное утро, такое красивое небо над горами! Да улыбнитесь вы уже. Я хоть буду думать, что вызываю у вас исключительно положительные эмоции.

— Я на работе, — поджав губы, ответила медсестра. — А к работе надо относиться серьезно. Давайте, больной, садитесь, я вам подушку под спину подложу. Пора умываться и завтракать, а то снова не успеете подготовиться к утреннему обходу.

Утренний обход — важнейшая ритуальная часть лечения в любом заведении. Тем более что у Сосновского его лечащим врачом был лично главный врач госпиталя Александр Борисович Миронов. Крупный мужчина, с большими залысинами, пушистыми бровями над добрыми глазами. Голос у главного врача был глубоким и напоминал тихий рокот водопада.

Михаил пытался представить, как бы этот голос мог звучать, разозли кто-нибудь Миронова по-настоящему, выведи его из себя, доведи до белого каления! Наверняка стекла в палатах повывлетали бы. Но такое, видимо, было невозможно, да и не старался никто вывести Миронова из себя. Любили его в госпитале, похорошему даже боготворили. И решения его, иногда далеко не популярные, тоже не вызывали недовольства персонала или пациентов. Наверняка кто-то был недоволен тем, что какой-то пациент со сложным переломом ноги вдруг занял одноместную палату. Да, небольшую, но все же одноместную. Но вопрос не обсуждался, и даже к самому Сосновскому никто с расспросами о его заслугах не приставал. Раз Миронов решил держать данного пациента отдельно от других, значит, так надо.

Но утренний обход как ритуал не мог миновать и этой отдельной палаты. И вот в назначенный час распахнулась белая дверь с остеклением, прикрытым натянутой на бечевках белой тканью, и в палату вошел главный врач, потирающий довольно руки и улыбающийся, и несколько врачей, чьи пациенты будут осмотрены и опрошены в этой утро во время обхода палат.

— Ну-с, Михаил Юрьевич, — усаживаясь на табурет, услужливо подсунутый одним из вра-

чей, заговорил Александр Борисович, — как мы сегодня себя чувствуем? Поведайте нам с коллегами.

— Болит меньше, пальцами шевелить могу, — с готовностью стал рассказывать Сосновский. — Чешется под гипсом, аж сил нет никаких.

— Ну, голубчик, — рассмеялся врач, — эта проблема легко решается. Давно бы попросили Ирину Васильевну, и она вам школьную линейку нашла бы.

— Правда? — Сосновский восторженно посмотрел на медсестру, замершую у изголовья кровати, как часовой на посту. — Как же я сам не догадался-то! Попрошу, обязательно попрошу.

— Ну, что же, товарищи, — доктор поднялся с табурета, — у пациента Сосновского заживление идет нормально, насколько я могу судить. Болевые ощущения исчезают, покраснений и отеков не заметно. Не заметно, Ирина Васильевна?

Медсестра вздрогнула, как будто ее неожиданно оторвали от мечтаний. Она поспешно заверила доктора, что у больного не замечено отеков и нездоровых покраснений. Похлопав Сосновского по руке, Миронов со свитой врачей удалился. И через несколько секунд его голос слышался уже из другой палаты.

— Вот видите, товарищ Половцева, — жизнерадостно улыбнулся Сосновский, — начальство велело вам раздобыть мне школьную линейку и...

— Я не буду вам чесать ногу, — надула губки медсестра. — Сами справитесь, больной.

— Эх, — вздохнул Сосновский и пошевелил пальцами загипсованной ноги, подвешенной на тросике, перекинутом через блок. — Одиночество, как тяжело ты во младе лет!

— «Во младе лет»? Это что-то новое! — усмехнулась медсестра, поправляя полотенце на спинке кровати, халат на спинке стула. — Пушкин, Лермонтов?

— Сосновский, но Михаил Юрьевич. Чувствуете поэтическое родство?

Серпантин тянулся и тянулся, стелилась под колеса «Виллиса» укатанная каменистая почва. Мотор завывал на крутых поворотах и снова ровно тянул на прямых участках. Буторин, сидя за рулем, все чаще посматривал на приборную доску. Выдержит латаная-перелатаная машина, прошедшая столько дорог, или не выдержит? Температура двигателя ползла вверх. Еще немного, и вода в радиаторе закипит. Шелестов, сидя на переднем сиденье, с интересом смотрел вверх, на техническое чудо: уникальную под-